

Сай Юн

Полукровка

Юн С.

Ю49 Полукровка / Сай Юн. – М.: Литнет, 2026. – 198 с.

ISBN 978-5-521-99655-1

Она – охотница. Чудовища – её добыча. Но кто она сама – никто не знает. Даже она.

Руна – последняя из древнего рода, заключившего договор с тьмой. Её предки заплатили кровью за равновесие между людьми и чудовищами. Теперь она платит за всех: охотится на тварей, которых боятся даже самые храбрые воины. Люди шепчутся за её спиной. Крестятся при встрече. Но зовут, когда ночь становится слишком длинной. Её дар – чувствовать дыхание монстров за много вёрст. Её проклятие – не знать до конца, человек ли она сама. Вместе с ней – Элай, маг с острым языком и опасным прошлым. Он флиртует со смертью, с жизнью и с каждой женщиной в радиусе мили, но за его шутками прячется тот, кто уже однажды заплатил за магию слишком высокую цену. И Аэлла – целительница, которая вытягивает яд из чужих ран ценой собственной боли. Её руки помнят каждую жизнь, которую она спасла. И каждую, которую не смогла. Вместе они охотятся на то, что рождается из мрака. Болотные змеи, огненные вепри, костяные драконы – ни одна тварь не уйдёт от погони.

Но когда Руна начинает слышать голоса древнего леса и видеть сны, которые не может объяснить, правда оказывается страшнее любого чудовища. Потому что в её жилах течёт не только человеческая кровь. И этот секрет может стоить жизни не только ей, но и тем, кто рискнул идти с ней рядом.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

Пролог

Мир помнит песни.

Одни сложены о героях, что сражались в великих битвах. Другие – о монстрах, что рождались из мрака. Но есть и такие песни, которые никто не поёт вслух. Их шепчут у костров, когда ночь слишком тиха, а туман стелется слишком густо.

В этих песнях рассказывается о договоре, заключённом давным-давно. Люди были слабы, чудовища – сильны, а эльфы – горды. И тогда один род согласился стать залогом равновесия. Их кровь смешалась с чужой, их жизнь стала ценой. Они должны были ходить по земле, неся в себе и человеческое сердце, и тень иного мира.

С тех пор этот род охотился. Одни потомки погибали в молодости, другие становились легендой. Но всех их связывала одна клятва: держать чудовищ подальше от людей.

И сейчас, в землях, где деревни прячутся в дыму печей, а болота хранят древние тайны, по дороге идет девушка по имени Руна.

Она молода, но глаза её – старше времени. В одном отражается свет луны, в другом – тьма ночи. Люди сторонятся её, но зовут, когда ночь становится слишком длинной.

Она – охотница. Она – наследие договора. Она сама ещё не знает всей правды о своей крови. Но её песнь уже началась.

И, как любая песнь, она будет звучать громко: с клинком, с магией, с кровью чудовищ и с редким смехом – особенно там, где он будет очень нужен.

Плата за ночлег

Дорога на Выжженки никуда не спешила. Она лениво петляла между холмами, то ныряя в овраги, где даже в полдень стоял сырой холод, то взбираясь на гребни, с которых открывался вид на бескрайние вересковые пустоши, уходящие к самому горизонту. Вереск уже отцвел, сменив лиловое буйство на бурую щетину, и ветер гнал по нему сухие стебли, похожие на кости мелких зверьков.

Руна шла по этой дороге четвертый день.

Она двигалась размеренным шагом охотника, привыкшего беречь силы. Левая рука свободно покачивалась, правая лежала на рукояти короткого меча, висевшего поперек поясицы – так, чтобы можно было выхватить его одним движением, не цепляя плащ. Плащ был старым, из плотной серой шерсти, подбитой по вороту вытершимся мехом неизвестного происхождения. Под плащом – простая кожаная куртка с нашитыми полосами закаленной кожи на предплечьях и груди. Не броня, но от когтей средней величины убережет. От крупных когтей ее вообще мало что уберегало, и Руна прекрасно это знала.

Она остановилась на вершине очередного холма и прищурилась, глядя вперед. Солнце уже цеплялось за край далекого леса, окрашивая небо в цвет разбавленного вина. Где-то там, в складке местности, должен был находиться Выжженки – деревня, название которой обещало ровно то, что с ней случилось когда-то давно. Руна видела десятки таких деревень. Они горели, отстраивались, снова горели и снова отстраивались, упрямо цепляясь за клочок земли, который кто-то из предков однажды назвал своим.

– Опоздаю, – произнесла она вслух, ни к кому не обращаясь.

Голос прозвучал хрипловато после долгого молчания. В горле першило от дорожной пыли. Руна достала из поясной сумки флягу, отхлебнула тепловатой воды, прополоскала рот и сплюнула в придорожную траву.

Вереск вокруг колыбался, хотя ветра почти не было.

Руна замерла. Фляга так и осталась в поднятой руке. Она медленно, очень медленно повернула голову вправо.

Вереск шевелился. Не волнами от ветра, а локально – словно что-то двигалось под ним, пригибая стебли к земле. Пятно движения было широким, футов десять в поперечнике, и оно смещалось параллельно дороге, держась на расстоянии броска камня.

Правый глаз Руны – тот, в котором, по словам людей, поселилась ночь, – уловил движение раньше, чем левый. Так бывало всегда. Левый видел мир таким, каким его видели все: дорогу, вереск, закатное солнце. Правый видел что-то еще. Тепло живых существ он различал как смазанные красноватые контуры даже сквозь кусты и невысокие стены. Холод нежити отдавал синевой. А то, что двигалось в вереске прямо сейчас, не было ни теплым, ни холодным. Оно было... никаким. Просто сгусток движения, пустота, обернутая в колышущиеся стебли.

– Травоед, – тихо сказала Руна. – Или подземник.

Она опустила флягу, но не убрала в сумку, а переложила в левую руку. Правая снова легла на рукоять меча. Серебро на эфесе – тонкая проволока, вплетенная в оплетку, – едва заметно потеплело под пальцами. Значит, тварь не нежить и не дух. Просто что-то из тех, кто живет под землей и не любит солнечного света. В сумерках они смелели.

Руна пошла дальше, не ускоряя шага. Бежать от подземника – лучший способ заставить его напасть. Они реагировали на резкие движения и страх. Говорили, что они чувствуют запах пота, когда человек боится. Руна не знала, правда ли это, но проверять не собиралась.

Она шла, считая шаги и краем правого глаза отслеживая темное пятно в вереске. Двадцать шагов. Тридцать. Пятнадцать. Движение слева прекратилось. Руна остановилась. Подождала, досчитав до десяти. Затем резко повернулась лицом к вереску и сделала шаг в сторону обочины.

Вереск вздрогнул всем массивом и замер.

Руна усмехнулась. Подземник ушел вглубь. Испугался или просто потерял интерес – неважно. Она развернулась и зашагала дальше, на этот раз чуть быстрее. До Выжженков оставалось около часа ходу, а сумерки в этих краях сгущались быстро, как пролитые чернила на промокашке.

Деревня показалась из-за поворота внезапно, словно выросла из под земли. Десятка три домов, сгрудившихся вокруг общего колодца. Крыши крыты почерневшей от времени дранкой, стены – потемневшие бревна, кое-где подпертые свежими жердями. Заборы низкие, скорее для обозначения границ, чем для защиты. Над печными трубами вился дым – густой, белесый, пахнущий торфом и сыростью.

Руна остановилась у околицы. Привычка. Войти в деревню сразу – значит поставить себя в положение просителя. Остановиться и подождать – значит дать им время увидеть тебя, обсудить и решить, что делать. Обычно выходили сами. Иногда с хлебом. Чаще – с вилами.

Она стояла, опершись плечом на покосившийся столб с выцветшей доской, на которой когда-то было вырезано название. Буквы стерлись почти полностью, осталось только «... жженки» и слабый след первой буквы.

Первым ее заметил мальчишка лет десяти, гонявший тощую козу вдоль плетня. Он замер, уставился на Руну круглыми глазами, потом коза боднула его в спину, и мальчишка, споткнувшись, с воплем побежал к ближайшему дому. Через минуту на крыльцо вышел мужик в накинутом на плечи тулупе, с топором в руке. За ним – еще двое, помоложе, с дубинами. За их спинами маячили женские лица в платках, выглядывающие из-за ставен.

Мужик с топором спустился с крыльца и, не дойдя до Руны шагов десять, остановился.

– Чего надо? – спросил он без приветствия.

Голос был грубый, но не злой – скорее усталый. Руна знала этот тон. Так говорят люди, у которых и без чужаков забот полон рот, но которые еще не забыли, что чужаки иногда приносят монету или помощь.

– Ночевку, – ответила она. – Заплачу.

Мужик переступил с ноги на ногу, перехватил топор поудобнее.

– Торговка?

– Охотница.

Слово повисло в воздухе. Мужик нахмурился, вглядываясь в ее лицо. Руна знала, что он видит. Молодая девка, чуть за двадцать на вид, с лицом, которое могло бы быть красивым, если бы не выражение глаз – слишком спокойное, слишком внимательное. Волосы темные, собранные в тугой узел на затылке, с выбившимися прядями у висков. И глаза. Разные. Левый – светло-серый, почти бесцветный в сумерках. Правый – темный, глубокий, как омут, в котором не отражается небо.

Мужик отвел взгляд первым.

– Охотница на кого?

– На тех, кто мешает спать.

Из-за его спины вышла женщина в сером платке, повязанном низко на лоб. Лицо худое, с резкими морщинами вокруг рта. Она положила руку на плечо мужика и что-то тихо сказала ему на ухо. Тот дернул плечом, но потом кивнул.

– Ладно, – буркнул он. – Сарай у нас есть, там сено свежее. Монета в день. Еда отдельно.

– Идет, – Руна достала из поясной сумки серебряную монету, показала, но в руки не дала. – Покажешь сарай, получишь.

Мужик хмыкнул, но спорить не стал. Он махнул рукой, приглашая следовать за собой, и зашагал вдоль плетня к дальнему концу деревни. Руна двинулась следом, чувствуя спиной взгляды жителей. Женщины смотрели с опаской, дети – с любопытством, мужики – с угрюмым безразличием. Обычное дело. В маленьких деревнях

чужаков не любят, но терпят, если от них есть польза. Или если боятся прогонять.

Сарай оказался добротным – сруб из толстых бревен, крытый все той же почерневшей дранкой, но без щелей в стенах. Внутри пахло сухой травой и мышами. В углу стояла старая бочка, заменявшая стол, и пара чурбаков вместо стульев. Сено было свалено у дальней стены – свежее, этого года, с вкраплениями клевера и ромашки.

– Сгодится, – сказала Руна и протянула монету.

Мужик взял серебро, повертел в пальцах, прикусил край – по привычке, а не из недоверия. Затем сунул за щеку и кивнул.

– Звать-то тебя как, охотница?

– Руна.

– А меня – Борут. Староста здешний. – Он помялся, словно хотел что-то добавить, но передумал и повернулся к выходу. На пороге остановился. – Ежели что нужно, кричи. Собаки у нас нет, но мы услышим.

И вышел, притворив за собой дверь.

Руна осталась одна. Она сбросила плащ, повесила на вбитый в стену деревянный крюк, сняла перевязь с мечом и прислонила к изголовью импровизированной лежанки. Затем стянула сапоги – высокие, из мягкой кожи, на толстой подошве, прошитой двойным швом. Пальцы ног занули от прилива крови. Она пошевелила ими, разминая, и блаженно вздохнула.

Сумку она не сняла. Привычка. Сумка всегда при себе, даже во сне. В ней – самое ценное: зелья, серебряные монеты, сушеные травы, огниво, запасная тетива и маленький кожаный мешочек с тем, что она называла «последним доводом». Пользоваться им Руна не любила, но носила всегда.

Она достала из сумки краюху черствого хлеба, кусок вяленого мяса и маленькую луковицу. Ужин охотника. Жевать приходилось долго, запивая водой из фляги. Зато потом желудок не бунтовал и сил хватало до утра.

Поев, Руна вытянулась на сене, закинув руки за голову, и уставилась в темный потолок. Где-то снаружи перекликались запоздалые петухи, путая вечер с рассветом. В соседнем доме плакал ребенок – тонко, надрывно, как будто у него болел живот. Женский голос успокаивал его, напевая что-то без слов.

Руна закрыла глаза. Сон не шел. Он вообще редко приходил в новом месте в первую ночь. Тело требовало отдыха, но разум оставался настороже, перебирая звуки, запахи, ощущения. Это была не паранойя – это был опыт. Она давно перестала считать, сколько раз просыпалась от того, что в темноте что-то дышало. Не рядом, нет. Где-то снаружи, за стеной, под полом, в подполе. Чудовища редко нападали на нее во сне. Чаще они просто приходили посмотреть. И уходили, если она не подавала виду, что заметила их.

Руна не знала, почему они так делают. Она вообще многого о себе не знала.

Память ее начиналась с того момента, как она очнулась на телеге, груженной сеном, посреди незнакомого поля. Ей было лет двенадцать или тринадцать на вид – она сама не знала точно. Рядом сидел старый охотник по имени Варден. Он сказал, что нашел ее у дороги, без сознания, в изодранной одежде и с кровью на лице. Он подумал, что она жертва разбойников, но ран на теле не оказалось. Только грязь, синяки и этот странный разрез на правой брови – тонкий, ровный, словно от очень острого лезвия. Шрам зажил быстро, оставив едва заметную белую полосу, но глаз под ним так и остался другим.

Варден вырастил ее, научил всему, что знал сам: выслеживать, ставить силки, различать следы, определять тварей по повадкам и слабостям. Он был хорошим охотником, но человеком. Он не видел того, что видела она. Не чувствовал, когда рядом нечисть. Не просыпался за мгновение до того, как в лесу раздавался вой.

Когда ей исполнилось шестнадцать (опять же примерно), Варден умер. Просто не проснулся однажды утром. Руна похорони-

ла его под старым дубом на холме, откуда было видно три дороги, и ушла. С тех пор она бродила одна. Брала заказы в деревнях и мелких городах, убивала то, что беспокоило людей, получала плату и уходила дальше. Ни друзей, ни дома, ни прошлого. Только правый глаз, который видел слишком много, и левый, который видел слишком мало.

Иногда ей снились странные сны. Не леса и не дороги, а высокие залы с колоннами, увитыми плющом, и музыка – тонкая, звенящая, не похожая ни на что, слышанное наяву. И голос, произносивший ее имя нараспев: «Ру-уна... Ру-уна...» Она просыпалась с колотящимся сердцем и долго лежала, вслушиваясь в тишину, но вокруг были только ночные шорохи и дыхание спящего мира.

Она никому не рассказывала об этих снах. Как и о том, что серебро в ее руках иногда теплело без причины, а железо, наоборот, холодило пальцы сильнее, чем должно. Она привыкла. Человек ко многому привыкает, если у него нет выбора.

Утро в Выжженках началось с крика.

Руна проснулась мгновенно – не открывая глаза, оценила звук. Кричала женщина. Не от боли – от страха и горя. Так кричат, когда находят тело. Руна села, нащупала перевязь с мечом, набросила на плечи и вышла из сарая, даже не обувшись.

Деревня уже проснулась. Люди бежали к дальнему дому, тому самому, откуда вчера доносился плач ребенка. Руна пошла следом, ступая босыми ногами по холодной утренней траве. Роса еще не высохла, и ступни сразу намокли.

У дома уже собралась толпа. Человек пятнадцать – почти все взрослое население деревни. Женщины прижимали к груди детей, мужики мрачно переглядывались. Борут, староста, стоял на крыльце, держа в руках все тот же топор. Лицо у него было серым, как пепел.

Руна протиснулась сквозь толпу, не обращая внимания на недовольные взгляды, и подошла к двери. Борут загородил ей путь.

– Не надо тебе туда, охотница.